

Научная статья
УДК 316.728:316.334.2:94(571.56)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/120-129>

Между селом и городом: социальная идентичность локальных сообществ посёлков городского типа Республики Бурятия

Елена Евгеньевна Тиникова
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия, vinokurova77@mail.ru

Алексей Маланович Бадонов
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, badonov@mail.ru

Виталий Михайлович Андреев
Республиканский многоуровневый колледж; Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия, andreev.avt@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социальной идентичности жителей пгт Республики Бурятия через призму их повседневности. Основная цель: выявить, как в условиях социальной и инфраструктурной нестабильности сочетаются границы между городским и сельским образом жизни. В качестве исследовательских кейсов были выбраны пгт Онохой и Селенгинск. Методами сбора эмпирической информации послужили экспертные и фокусированные интервью (n=12). Сделан вывод о том, что пгт являются гибридными образованиями, в которых гармонично сосуществуют элементы сельского и городского уклада жизни, а социальная идентичность формируется как результат повседневного опыта и пространственного контекста.

Ключевые слова: *социальная идентичность, локальные сообщества, повседневные практики, посёлки городского типа, Республика Бурятия*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500>

Для цитирования: Тиникова Е. Е., Винокурова А. В., Бадонов А. М., Андреев В. М. Между селом и городом: социальная идентичность локальных сообществ посёлков городского типа Республики Бурятия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 120–129.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/120-129>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/120-129>

Between Village and City: Social Identity of Local Communities in Urban-Type Settlements in the Republic of Buryatia

Elena E. Tinikova
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, lena.tinikova@mail.ru

Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, vinokurova77@mail.ru

Aleksei M. Badonov
Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, badonov@mail.ru

Vitalii M. Andreev
Republican Multilevel College; Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, andreev.avt@yandex.ru

Abstract. This article explores the features of social identity among residents of urban-type settlements (UTS) in the Republic of Buryatia through the lens of their everyday life. The main objective was to identify how, under conditions of social and infrastructural instability, the boundaries between urban and rural ways of life are intertwined. The study focuses on two case settlements: Onokhoy and Selenginsk. The empirical data were collected through expert and focused interviews (n=12). The study concludes that UTS represent hybrid formations where rural and urban elements of daily life coexist in a balanced manner, and social identity is shaped as a result of everyday experiences and spatial context.

Key words: *social identity, local communities, everyday practices, urban-type settlements, Republic of Buryatia*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. № 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500>

For citation: Tinikova E. E., Vinokurova A. V., Badonov A. M., Andreev V. M. Between Village and City: Social Identity of Local Communities in Urban-Type Settlements in the Republic of Buryatia // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 120–129. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/120-129>

Введение

В последние десятилетия в связи с административной рурализацией, под которой понимается перевод пгт¹ и малых городов в категорию сельских населённых пунктов по инициативе властей [1, с. 91], затронувшей в России преимущественно рабочие посёлки, значительно снизился интерес как со стороны федеральных и региональных властей, так и органов местного самоуправления к проблемам развития пгт.

В советский период посёлки городского типа были чётко встроены в качестве отдельного самостоятельного объекта с широким набором обязательных инфраструктурных сооружений в планирование территориального развития страны и рассматривались как промежуточный тип населённых пунктов между городом и селом [20]. Но в настоящее время многие такие посёлки переживают упадок. Процессы социальной деградации проявляются не только в экономической сфере: это и закрытие градообразующих предприятий, и сокращение их производственной активности, и рост уровня безработицы, и снижение доходов населения и т. д.; но и в социальной сфере, что выражается в ухудшении качества и доступа к образовательным и медицинским услугам и проч. Особо следует отметить деградацию объектов инфраструктуры пгт, которые в своё время и определяли городской, а не сельский стандарт жизни населения посёлков [17; 25; 4; 6].

Указанные тенденции характерны и для посёлков городского типа Республики Бурятия (РБ), особенностям урбанизационного развития которой посвящён целый ряд публикаций [15; 3; 9; 5; 7]. В постсоветский период сохранить свой городской статус смогли лишь 12 из существовавших ранее и зафиксированных переписью 1989 г. 33 пгт [7]. Отмена практики существования в городских округах помимо города других пгт с 2003 г. привела к массовому включению пригородных посёлков в состав соседних городов в качестве их микрорайонов. Так, в РБ 2004 г. в рамках приведения административно-территориальной структуры в соответствие с требованиями федерального законодательства [22] и уставными положениями муниципального образования [21], пгт Сокол и Заречный были упразднены как административно-территориальные единицы и официально включены в состав муниципального образования "Город Улан-Удэ" [18]. Несмотря на то, что в Бурятии лишь 36,4% посёлков городского типа сохранили свой статус, они остаются преобладающей формой городских поселений. Доля населения, проживающего в пгт, в 2020 г. составляла 13,3% городского населения РБ. Тем не менее, этот показатель выше, чем в целом по европейской (5,8%) и азиатской (8,4%) части России [описано и рассчитано авторами на основе: 12; 10; 11; 16].

Как видим, в Бурятии, как и во многих российских регионах, пгт оказались в уязвлённом положении, не имея чёткой стратегии развития и частично утрачивая черты "городского". Исходя из этого, в настоящей статье мы сосредоточим внимание на том, как в условиях социальной и инфраструктурной нестабильности трансформируются повседневные практики жителей посёлков городского типа Республики Бурятия, как складываются локальные формы идентичности и переосмысляются границы между городским и сельским образом жизни.

Теоретическая рамка и методы исследования

Теоретическую основу нашего исследования составили следующие объяснительные модели. Во-первых, это концепция символических границ (П. Бурдьё, М. Ламонт). П. Бурдьё вводит понятие социального пространства [8], и именно в этом поле границы между группами формируются и воспроизводятся через конкретные предпочтения, включая различия между "городским" и "сельским" стилями жизни. М. Ламонт больше заостряет внимание на том, что символические границы определяют включение или исключение из групповой принадлежности [26], в контексте пгт такие границы могут проявляться через противопоставление "своих" и "чужих", формируя осознаваемую или неосознаваемую иерархию идентичностей.

Во-вторых, концепция локальной идентичности (place identity), представленная в работах Э. Ральфа [28], И. Альтмана и С. Лоу [27]. Здесь акцент

¹ пгт – посёлки городского типа.

сделан на укоренённости и принадлежности. С учётом интересующей нас пространственной гибридности пгт, подобную социальную привязанность можно рассматривать как один из основных элементов конструирования особой формы идентичности, не сводящейся к бинарной дихотомии "город – село".

Постурбанизм и концепция промежуточной урбанизации (in-between urbanism) [29; 24] даёт возможность описания переходных пространств; служит основой для характеристики особенностей повседневной жизни и показывает, что границы между сельским и городским в локальных сообществах не являются фиксированными, а воспроизводятся через инфраструктурные различия и рутинные практики социального взаимодействия. Соответственно, можно интерпретировать посёлки городского типа как пространства, в которых городское и сельское сосуществует в виде динамически формируемых символических кодов.

В целом, такой комплексный подход с опорой на положения концепций символических границ, локальной идентичности, промежуточной урбанизации, выбранный в качестве теоретической рамки, послужил основой для реализации качественной стратегии, предпринятого нами эмпирического исследования. В центре нашего внимания – идентичность жителей пгт Республики Бурятия, рассматриваемая как результат и пространство повседневных практик, в которых "городскость" и "сельскость" не противопоставляются, а переплетаются и формируют своеобразный социальный ландшафт жизни в посёлках городского типа.

Эмпирическое исследование выполнено с опорой на опросные методы – экспертное и фокусированное интервью. В качестве исследовательских кейсов были выбраны пгт Онохой и Селенгинск, что обусловлено следующими содержательными основаниями.

В первую очередь, это географическое положение посёлков. Онохой располагается в пригородной зоне Улан-Удэ, что создаёт условия для маятниковой миграции, большей вовлечённости в экономику и инфраструктуру регионального центра. А Селенгинск находится на некотором удалении от столицы РБ (примерно в 100 км от Улан-Удэ), что определяет большую степень автономности, некоторые ограничения в плане доступа к городским ресурсам. Это позволит выявить, как территориальная включённость влияет на локальную идентичность, восприятие границы между "городским" и "сельским".

Далее, в отобранных исследовательских кейсах представлены разные модели градообразования. Селенгинск возник как поселение вокруг крупного промышленного предприятия (Селенгинского целлюлозно-картонного комбината – ЦКК), тогда как Онохой изначально формировался как транспортный и военный узел. Это даст нам возможность проследить, как различные историко-экономические основания формируют идентичность жителей.

Также в постсоветский период оба пгт прошли через существенные структурные трансформации: в Онохое была ликвидирована основная промышленная база, а в Селенгинске градообразующее предприятие (ЦКК) продолжает функционировать, соответственно, можно попытаться выявить, как различия в экономических стратегиях и социальной инфраструктуре влияют на повседневность и самоопределение местных сообществ.

Полевой этап исследования был реализован в феврале 2025 г. В общей сложности в ходе экспедиций в указанные посёлки было проведено двенадцать интервью (n=12). Экспертами выступили представители руководства поселковых администраций и градообразующих предприятий, в фокусированных интервью принимали участие местные жители, не вовлечённые в управленческие структуры, представляющие различные социально-демографические группы.

Результаты исследования

Основные социально-демографические характеристики посёлков Онохой и Селенгинск. Понимание социальной идентичности локальных сообществ невозможно без учёта социально-демографической структуры пгт. Численность и состав населения посёлков городского типа, их динамика определяют социальные практики, фоновый ритм повседневности, а значит и то, каким образом складываются представления о сельском и городском образе жизни.

Табл. 1. Динамика численности населения пгт Онохой и Селенгинск в 1989–2024 гг., чел.
Table 1. Population Dynamics in the Urban-Type Settlements of Onokhoy and Selenginsk, 1989–2024, people

Год	1989	2002	2010	2020	2024
Онохой	10715	10673	10689	10767	9176
Селенгинск	15233	16326	14546	13499	13130

Источник: составлено авторами на основе [12; 10; 11; 16; 23].
Source: compiled by the authors based on [12; 10; 11; 16; 23].

Изменение численности населения рассматриваемых пгт можно представить следующим образом (табл. 1).

Как видим, оба посёлка демонстрируют схожий тренд: в 1989–2002 / 2010 гг. наблюдалась относительная стабильность (Онохой) и некоторый рост (Селенгинск) численности населения. После 2010 г. заметным становится умеренное снижение данного показателя. В целом, за прошедшие 35 лет население пгт Онохой снизилось на 14,4%, а Селенгинска – на 13,8%.

Полагаем, что это связано с экономическими и инфраструктурными трансформациями. Динамичное развитие посёлков в советский период, сопровождавшееся ростом населения, объёмов производимой продукции, строительством объектов социально-бытовой инфраструктуры, в постсоветский период сменилось на противоположный вектор. Градообразующее предприятие пгт Онохой (лесоперерабатывающий комбинат) было закрыто, но *"само поселение смогло устоять в трудные времена как крупный транспортный узел Транссибирской магистрали, не последнюю роль сыграло наличие войсковой части и военного завода, появление небольших частных предприятий"* (муж., 53 года, представитель поселковой администрации пгт Онохой). Благодаря модернизации производства Селенгинский ЦКК до сих пор функционирует и обеспечивает занятость около 2 тыс. чел. [19, с. 50].

И если раньше основными местами трудоустройства в посёлках являлись градообразующие предприятия и сфера соцкультбыта, то в нынешних реалиях, в связи с сокращением производства, закрытием ряда предприятий, появлением частной собственности, структура занятости в пгт приобрела иной вид. По-прежнему значительная часть населения занята в бюджетном секторе. Позиции одного из главных "поставщиков" рабочих мест сохраняют и железная дорога. В Онохое, после закрытия лесокombината, важную социальную роль стал играть военный завод, который обеспечивает работой несколько сотен гражданских жителей. Появились предприниматели, имеющие собственный небольшой бизнес (комбинат по переработке молочной продукции, фермерские хозяйства, магазины и т. д.), и те, кто работает на этих предприятиях. Близость к Улан-Удэ способствует ежедневной маятниковой миграции, связанной поездками к местам работы и обратно. Стала заметной такая социальная категория, как вахтовики. *"На вахту сейчас много ездят. Всё же работы в посёлке недостаточно, да и зарплата низкая – это основные проблемы. В основном, конечно, едут на Севера, и не только мужчины ездят, но и женщины"* (жен., 60 лет, жительница пгт Онохой).

Дополним, что в Онохое в последние годы стали активно приобретать квартиры, а также земельные участки для индивидуального жилищного строительства жители Улан-Удэ. Это связано с постоянным ростом цен на недвижимость в столице республики [2, с. 100] и сохраняющимися относительно низкими ценами на жильё в пгт. Как отметили наши информанты: *"У нас нет сейчас пустых квартир. Развивается частное жилищное строительство. Даже из города приезжают к нам. Все строятся"* (жен., 49 лет, жительница пгт Онохой).

В Селенгинске основной костяк жителей составляют дети и внуки людей, руками которых в 1960-е–1970-е гг. создавался этот посёлок. Несмотря на общее снижение численности населения, миграционный приток в пгт фиксируется, но в сравнении с советским периодом он не так значителен.

Переезжают на постоянное место жительства в Селенгинск, как правило, из близлежащих сельских населенных пунктов в поисках работы и комфортно-го доступа к объектам социальной инфраструктуры. Точкой притяжения для приезжих также являются средние специальные образовательные учреждения. В Селенгинске функционируют Политехнический техникум и Байкальский базовый медицинский колледж, где в общей сложности обучается около 1300 студентов [13; 14]. Также и в экспертных интервью было отмечено, что *"очень много приезжих ребят ... Приезжают из разных районов Бурятии и из других уголков Сибири. Учатся и иностранцы, есть студенты из Монголии, их около ста человек. И своей молодёжи уезжать из посёлка незачем. Можно закончить здесь школу, получить специальное образование и устроиться здесь же на работу. Например, отучившись в техникуме, можно продолжить свою карьеру на комбинате (Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат – прим. авт.). Есть хорошие перспективные возможности здесь. И много таких людей, которые именно этот путь прошли"* (жен., 47 лет, представитель поселковой администрации пгт Селенгинск).

В целом, социально-демографическая структура рассматриваемых пгт формировалась ранее и трансформируется сейчас под влиянием сходных социально-экономических трендов. В то же время есть различия, обусловленные географическим положением, производственной инфраструктурой и спецификой преобладающих сфер занятости. Несмотря фиксируемую незначительную убыль населения, которая в большей степени связана не с негативной миграционной динамикой, а с отрицательным естественным приростом, оба посёлка демонстрируют социальную устойчивость за счёт адаптации градообразующих предприятий и образовательных учреждений к новым условиям, за счёт развития предпринимательской деятельности, маятниковой и вахтовой миграции. Эти особенности напрямую влияют на характер локальной идентичности и представления поселковцев о своём укладе жизни.

Повседневные практики как отражение локальной идентичности: кейс пгт Онохой и Селенгинск. Социальная идентичность жителей посёлков городского типа, в том числе и рассматриваемых нами Онохой и Селенгинска, формируется в повседневной реальности, где черты городского и сельского образа жизни не исключают, а, наоборот, взаимно дополняют друг друга. Именно через повседневные практики – общение, досуг и быт проявляется уникальный характер этих сообществ, складывается их представление о себе и о границах между "городскостью" и "сельскостью".

Сам процесс общения между жителями в рассматриваемых посёлках представляет собой достаточно специфическую форму социального взаимодействия. Главной характеристикой коммуникативного пространства пгт является высокая степень социальной плотности, при которой одни и те же индивиды взаимодействуют в различных ролях: соседей, коллег, родителей школьников, участников совместных досуговых мероприятий, что придаёт общению многоуровневый и насыщенный характер, усиливает вовлечённость в повседневную жизнь сообщества. Значимым элементом является и высокая степень узнаваемости: жители, как правило, знают друг друга лично либо через цепочку косвенных связей, что формирует эффект "все на виду". Коммуникативные практики во многом продолжают традиции сельского уклада (распространены спонтанные беседы "на лавочке", возле магазина и пр.):

"У нас теплее отношения. Мы людей, если не по фамилии, то хотя бы по имени, на лицо знаем. С соседями также. Один подойдет, другой. И мы как-то друг о друге знаем. За кого-то порадуемся, с кем-то попереживаем вместе" (жен., 75 лет, жительница пгт Онохой).

"Я же здесь всю жизнь прожила, на комбинате столько лет отработала, сейчас преподаю в техникуме, конечно, и я, и меня все знают" (жен., 68 лет, жительница пгт Селенгинск).

В то же время наблюдается активная цифровизация, среди жителей пгт всё более и более популярными становятся локальные чаты и группы в мессенджерах, где обсуждаются как бытовые вопросы, так и значимые события поселковой жизни. Это снижает выраженность неформального социального контроля и несколько увеличивает социальную дистанцию, как отмечают наши информанты, *"теперь без звонка просто так по-соседски как-то захо-*

дить друг другу в гости стало не принято, этикет изменился". Хотя, как и прежде, "в девяноста процентах случаев, а то и больше, сосед соседа знает".

Напрямую с коммуникативными практиками связана и сфера досуга, где также проявляется сочетание городского и сельского. Формы проведения свободного времени жителей пгт раскрывают их представления об уровне доступности инфраструктуры и локальных ценностях. В ходе экспедиций в Онохой и Селенгинск было выявлено, что там широко распространены типично городские досуговые практики: посещение спортивных объектов и объектов культуры, кафе, торгово-развлекательных учреждений. Но всё же есть некие ограничения, что не всегда делает возможным реализацию таких практик в полной мере:

"Мы с подругами два раза в неделю ходим в бассейн. Знаете сколько стоит абонемент на четыре посещения? Триста шестьдесят рублей. Где вы такие цены в городе видели? Нам нравится, и вообще народу много ходит" (жен., 73 года, жительница пгт Селенгинск).

"У нас знаете, сколько всего в Центре культуры есть? Столько занятий и для детей, и для старшего поколения. Многое бесплатно и на высоком уровне, не хуже, чем в городе" (жен., 60 лет, жительница пгт Онохой).

"Конечно, молодёжи хочется чего-то такого ... более модного что ли, чтобы кофейня какая-то, как они говорят, атмосферная была, чтобы какие-то пространства красивые были, такого, конечно, не хватает" (жен., 59 лет, жительница пгт Онохой).

В то же время сохраняются и активно воспроизводятся формы досуга, характерные для сельской повседневности: выезды на природу, сбор грибов и ягод, дикоросов, рыбалка, охота. Рассказывая о своем досуге, наши информанты особое внимание уделяли характеристике географических особенностей расположения своих поселений. Живописность местности, близость реки, тайги, гор, конечно, способствуют сохранению традиционных форм времяпрепровождения. Широко распространены "домашние" практики проведения свободного времени: просмотр телевизора, ведение приусадебного хозяйства, кулинария. Особенно значима роль дачи как универсального пространства, это одновременно и трудовая, и рекреационная зона:

"Я переехала в посёлок в детстве, это были 1970-е годы. Скажу, что образ жизни у нас резко не менялся. В селе у нас небольшое подворье своё было. Но здесь мы стали держать дачу. Многие и тогда, и сейчас у нас на дачах держат гусей, кур. Сейчас дача, конечно, больше для досуга, для отдыха. Но у нас есть огромная теплица, с которой действительно можно накормить не одну, а несколько семей" (жен., 48 лет, жительница пгт Селенгинск).

В целом, досуговые практики, характерные для рассматриваемых пгт, обладают не только значительным рекреационным потенциалом, но и позволяют их жителям поддерживать социальные связи, способствуя укреплению локального сообщества. Можно сказать, что досуг в посёлках городского типа, как и общение, отражает особенности локальной идентичности, сочетая в себе элементы как городского, так и сельского уклада, стремление к новым, современным практикам и сохранение привычных, традиционных форм повседневной жизни.

Бытовая сфера в пгт также представляет собой важный компонент повседневности, через который воспроизводится локальная идентичность. Как мы уже отметили, поселковцы активно поддерживают хозяйственные практики, характерные для сельской жизни, многие имеют приусадебные участки, дачи, нередко занимаются мелким животноводством. Вместе с тем, высокий уровень благоустройства (наличие централизованного тепло- и водоснабжения, водоотведения и т. п.) сближает пгт с городом.

Селенгинск и Онохой являются яркими примерами посёлков, которым ещё в советский период удалось выстроить инфраструктуру, максимально приближённую к городской. Состояние жилищно-коммунального хозяйства и бытовой сферы тогда (в советское время) и сейчас сохраняется на достаточно высоком уровне. Администрация посёлков и сами местные жители через участие в различных конкурсных и проектных инициативах систематически работают над улучшением жизни в своих поселениях. И эксперты, и участники фокусированных интервью больше указывали не на сельский характер своих населённых пунктов, а в основном акцентировали внимание на тех особенно-

стях, которые, на их взгляд, роднят пгт с городом. Это и наличие общественных пространств, и общая благоустроенность, и развитая инфраструктура:

"У нас всё как в городе. Есть магазины, точки самовывоза есть, и Ozon, и WB, есть спортивные и детские площадки, детские сады строятся, школы есть" (жен., 72 года, жительница пгт Онохой).

"У нас инфраструктура в посёлке вон какая. И цены на коммуналку у нас ниже за счёт того, что котельная ЦКК посёлок отопливает и обеспечивает горячей водой. Для сравнения взять даже город Гусиноозерск (город в Бурятии с населением 24,3 тыс. чел., находится в 196 км от Селенгинска и в 110 км от Улан-Удэ – прим. авт.), у нас намного лучше" (муж., 67 лет, сотрудник Селенгинского ЦКК).

Всё это говорит о том, что быт в посёлках сочетает элементы самообеспечения с чертами городского комфорта.

Одним из ключевых моментов в осмыслении локальной идентичности являются ответы наших информантов на вопросы: "Вы себя больше ощущаете сельскими или городскими жителями?", "Ваш пгт – это больше город или село?". И здесь всячески подчёркивалась промежуточность, гибридность поселкового статуса – ни село, ни город; и город, и село:

"Мы находимся на стыке. Я считаю, что наш посёлок статус городского заслуживает. Хотя по складу, конечно, мы здесь всё равно больше сельские такие, потому что у нас люди добрее, неравнодушные" (жен., 48 лет, жительница пгт Селенгинск).

"Быть посёлком – это значит что-то взять от села, а что-то от города. У нас тут почти у всех приусадебные участки, дачи. А город это что? Это освещение красивое, это какие-то деревья, всё это с огоньками, какие-то инсталляции, какие-то фигурки, фонтаны. Вот этого у нас нет. А от города у нас многоэтажки. Детские площадки есть красивые. Всё как в городе" (жен., 60 лет, жительница пгт Онохой).

Таким образом, посёлки городского типа предстают как особые гибридные пространства, где границы между городским и сельским переплетаются, образуя уникальный узор повседневной жизни.

Заключение

На примере представленных кейсов – посёлков Онохой и Селенгинск – наглядно показано, что процессы социальной трансформации, характерные для постсоветского периода, не привели к утрате "городскости" этих пгт, а, напротив, способствовали формированию уникальных форм социальной идентичности, основанных на сочетании традиционного сельского и современного городского уклада. Ощущение принадлежности к посёлку, разнообразные формы социальной взаимопомощи, высокая степень социальной узнаваемости, поддержание хозяйственных практик – всё это демонстрирует, что идентичность жителей пгт опирается не столько на административный статус, сколько на повседневный опыт, инфраструктурные особенности и символическое наполнение пространства. В рассматриваемых местных сообществах сохраняются социальные связи, осмысливается особый статус поселения, формируется гибридное представление о себе как "не совсем городских и не совсем сельских", что открывает новые перспективы для дальнейших исследований локальных идентичностей в условиях периферийной урбанизации.

Литература / References

1. Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 83–94.
Alekseev A. I., Zubarevich N. V. A Crisis of Urbanization and the Russian Countryside // Migration and Urbanization in the CIS and the Baltics in the 1990s. Moscow: Center for the Study of Forced Migration Issues in the CIS, 1999. P. 83–94. (In Russ.).
2. Алексеева Т. Н. Рынок недвижимости г. Улан-Удэ: тенденции развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 98–104.
<https://doi.org/10.21209/22279245201723398104>

- Alekseeva T. N. Real Estate Market in Ulan-Ude: Development Trends // *Transbaikal State University Journal*. 2023. Vol. 23. Issue 3. P. 98–104. <https://doi.org/10.21209/22279245201723398104> (In Russ.).
3. Асташова И. А. Основные тенденции трансформации городской поселенческой структуры Республики Бурятия в конце 1980-х – начале 2000-х гг. // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2013. № 14. С. 120–123.
Astashova I. A. Main Trends in the Transformation of the Urban Settlement Structure of the Republic of Buryatia in the Late 1980s – Early 2000s // *Bulletin of Buryat State University*. 2013. No. 14. P. 120–123. (In Russ.).
4. Бреславский А. С. Динамика и типы демографического развития "городских агломераций" ДФО РФ в 1990-е – 2010-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 23–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/23-35>
Breslavsky A. S. Population Dynamics of "Urban Agglomerations" of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation and its Types in the 1990s – 2010s // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 4. P. 23–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/23-35>. (In Russ.).
5. Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М. Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
Breslavsky A. S. Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period / ed. by M. N. Baldano. Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2014. 192 p. (In Russ.).
6. Бреславский А. С. Посёлки городского типа в процессах постсоветской трансформации городского расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2024. № 4 (70). С. 90–98.
<https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-3-28-41>
Breslavsky A. S. Urban-Type Settlements in the Post-Soviet Transformation of Urban Settlement System in Transbaikalia and the Russian Far East // *Humanities Research in Eastern Siberia and the Far East*. 2024. No. 4 (70). P. 90–98. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-3-28-41> (In Russ.).
7. Бреславский А. С. Все в Улан-Удэ? Трансформация городского расселения в Республике Бурятия в 1990–2010-е гг. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2024. № 6. С. 243–260. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.6.72140>
Breslavskii A. S. Are All in Ulan-Ude? Transformation of Urban Settlement System in the Republic of Buryatia in the 1990s–2010s // *History Magazine: Researches*. 2024. No. 6. P. 243–260. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.6.72140> (In Russ.).
8. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // *Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики* / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 537–568.
Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste // *Western Economic Sociology: A Reader of Contemporary Classics* / comp. and ed. by V. V. Radaev. Moscow: ROSSPEN, 2004. P. 537–568. (In Russ.).
9. Бюраева Ю. Г. Территориальные факторы и особенности расселения жителей Республики Бурятия // *Труд и социальные отношения*. 2013. Т. 24. № 3. С. 60–68.
Buraeva Yu. G. Territorial Factors and Features of Residential Patterns of the Buryat Republic // *Labour and Social Relations Journal*. 2013. Vol. 24. Issue 3. P. 60–68. (In Russ.).
10. Всероссийская перепись населения 2002 года. Численность городского населения России, её территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // *Демоскоп Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
All-Russian Population Census of 2002. Urban Population of Russia, Its Territorial Units, Urban Settlements and Urban Districts by Gender // *Demoscope Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (accessed 14.01.2025). (In Russ.).
11. Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения городских населённых пунктов Российской Федерации // *Демоскоп Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
All-Russian Population Census of 2010. Urban Settlements Population of the Russian Federation // *Demoscope Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (accessed 14.01.2025). (In Russ.).
12. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность городского населения РСФСР, её территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // *Демоскоп Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
All-Union Population Census of 1989. Urban Population of the RSFSR, Its Territorial Units, Urban Settlements and Urban Districts by Gender // *Demoscope Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (accessed 14.01.2025). (In Russ.).
13. ГАПОУ РБ "Политехнический техникум": [официальный сайт]. URL: <https://sel-politech.ru/node/105> (дата обращения: 12.04.2025).

- Polytechnic College of the Republic of Buryatia: [official website]. URL: <https://sel-politeh.ru/node/105> (accessed 12.04.2025). (In Russ.).
14. Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение "Байкальский базовый медицинский колледж Министерства здравоохранения Республики Бурятия": [официальный сайт]. URL: <https://www.sel-med.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).
Baikal Basic Medical College, Ministry of Health of the Republic of Buryatia: [official website]. URL: <https://www.sel-med.ru/> (accessed 12.04.2025). (In Russ.).
 15. Зуляр Ю. А. Деурбанизация Байкальского региона на рубеже XX–XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 48–58.
Zulyar Yu. A. Deurbanization of the Baikal Region at the Turn of the 20th – 21st Centuries // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies. 2009. No. 1. P. 48–58. (In Russ.).
 16. Итоги ВПН–2020. Т. 1. Численность и размещение населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 14.01.2025).
Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 1. Population and Distribution // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (accessed 14.01.2025). (In Russ.).
 17. Петровская О. В. Посёлки городского типа в системах расселения регионов России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2021. № 3 (35). С. 28–41. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-3-28-41>
Petrovskaya O. V. Urban-Type Settlements in the Russian Regional Settlement System // Herald of Tver State University. Series: Geography and Geoecology. 2021. No. 3 (35). P. 28–41.
<https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-3-28-41> (In Russ.).
 18. Решение Улан-Удэнского городского Совета депутатов от 25 ноября 2004 года № 106–18 "Об упразднении посёлков городского типа Сокол, Заречный муниципального образования "Город Улан-Удэ" // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/440589092> (дата обращения: 27.04.2025).
Decision of the Ulan-Ude City Council of Deputies dated November 25, 2004 No. 106-18 "On the Abolishment of the Urban-Type Settlements Sokol and Zarechny of the Municipal Formation "City of Ulan-Ude" // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/440589092> (accessed 27.04.2025). (In Russ.).
 19. Самаруха В. И., Иванова Д. А. Лесопромышленный комплекс Байкальского региона: современное состояние и перспективы развития // Сибирская финансовая школа. 2017. № 1 (120). С. 47–57.
Samarukha V. I., Ivanova D. A. The Timber Industry Complex of the Baikal Region: Current Status and Development Prospects // Siberian Financial School. 2017. No. 1 (120). P. 47–57. (In Russ.).
 20. Симагин Ю. А. Посёлки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2009. 224 с.
Simagin Yu. A. Urban-Type Settlements in Russia: Transformation of the Network and Population Characteristics. Moscow: Institute of Socio-Economic Problems of Population of the RAS, 2009. 224 p. (In Russ.).
 21. Устав городского округа "Город Улан-Удэ" // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553286299> (дата обращения: 27.04.2025).
Charter of the Urban District "City of Ulan-Ude". Annex to the Decision of the Ulan-Ude City Council of Deputies dated April 25 // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553286299> (accessed 27.04.2025). (In Russ.).
 22. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901876063> (дата обращения: 27.04.2025).
Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901876063> (accessed 27.04.2025). (In Russ.).
 23. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://web.archive.org/web/20241202191943/https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 16.04.2025).
Population of the Russian Federation by Municipal Formations as of January 1, 2024 // Federal State Statistics Service. URL: <https://web.archive.org/web/20241202191943/https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (accessed 16.04.2025). (In Russ.).
 24. Brighenti A. Visibility: A Category for the Social Sciences // Current Sociology. 2010. No. 58 (3). P. 323–342. <https://doi.org/10.1177/0011392107076079>
 25. Grigorichev K. V., Elokhina Yu. V. Not a City Yet, not a City Anymore: The Internal Suburbanization and the Evolution of Non-Urban Spaces of a Siberian City // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 15, Issue 2. P. 169–178.

<https://doi.org/10.17516/1997-1370-0897>

26. Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // *Annual Review of Sociology*. 2002. Vol. 28. P. 167–195. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>
27. Place Attachment / ed. by I. Altman, S. Low. NY: Plenum Publishing Corporation, 1992. 314 p. URL: https://tuxdoc.com/download/setha-m-low-irwin-altman-auth-place-attachment-springer-us-1992_pdf (accessed April 16, 2025). <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-8753-4>
28. Relph E. Place and Placelessness. London: Pion Limited, 1976. 156 p. URL: [Relph_Place_and_placelessness.pdf](#) (accessed 16.04.2025). <https://doi.org/10.4135/9781446213742.n5>
29. Shrinking Cities / ed. by Phillipp Oswald. Ostfildern: Hatje Cantz, 2006. 736 p. URL: http://www.shrinkingcities.com/fileadmin/shrink/downloads/pdfs/SC_Band_1_eng.pdf (accessed 16.04.2025).

Информация об авторах

Елена Евгеньевна Тиникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Алексей Маланович Бадонов, канд. соц. наук, заведующий кафедрой теории социальной работы Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: badonov@mail.ru

Виталий Михайлович Андреев, директор Республиканского многоуровневого колледжа; аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: andreev.avt@yandex.ru

Information about the authors

Elena E. Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Aleksei M. Badonov, Candidate of Sociology, Head of the Department of Social Work Theory, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: badonov@mail.ru

Vitalii M. Andreev, Director of the Republican Multilevel College; Postgraduate Student, Department of Political Science and Sociology, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: andreev.avt@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.04.2024

Одобрена после рецензирования 17.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 23.04.2024

Approved 17.05.2025

Accepted 26.05.2025